

В глубине души теплилась слабая искра доброты, пробудившая в нём стремление к прекрасному.

Его товарищи, промышлявшие поиском утопленников, посмеивались: В наше время живой человек стоит меньше, чем мертвец. Ты подобрал щенка, думаешь, сможешь его прокормить?

Все полагали, что он завел себе бесплатную рабочую силу или, на худой конец, запас пропитания на случай голода.

Чэн Цяньжэнь обошел всю деревню, выпросил немного коричневого сахара, сварил имбирный отвар и напоил ребенка. Думал: будь что будет, если выживешь, буду растить тебя как родную сестренку. Мальчик оказался живучим и в ту же ночь пришел в себя. Только тогда Чэн Цяньжэнь разглядел, что у ребенка тонкие, изящные черты лица.

В каком-то смысле не он спас Чжулю, проявив милосердие, а Чжулю спас его.

Чэн Цяньжэнь стал необычайно трудолюбив, хватался за любую работу, от которой отказывались другие. Готов был целыми днями пропадать в воде, лишь бы заработать лишнюю медяшку. Постоянно твердил себе: Как бы тяжело ни было, нельзя экономить на детях, как бы бедно ни жили, нельзя экономить на образовании.

Он старался разговаривать с клиентами, чтобы набраться опыта, и не обращал внимания на насмешки: Зачем столько расспрашиваешь? Всё равно из Дунчуаня за всю жизнь не выберешься.

Когда человек один, он может опустить руки и пустить всё на самотёк, но теперь было иначе. У него появился младший брат, у него появилась семья. Он должен сражаться за их дом и планировать их будущее.

Чжулю стал его духовной опорой в этом чужом мире.

Он учил его говорить. Указывал на себя, повторяя бесчисленное количество раз: Брат, брат... И наконец услышал в ответ робкое: Брат...

Учил его читать и писать, начали с имен. Чжулю спросил: Почему ты дал мне такое имя?

Что он тогда ответил?

Меня зовут Цяньжэнь, тебя — Чжулю. Гора и река, они неразлучны. Это хорошее имя, оно сулит долгую жизнь. Мы с тобой братья на всю жизнь.

Чэн Цяньжэнь скопил достаточно денег, чтобы увезти Чжулю из восточных земель. Путь был полон опасностей: они бежали от лесных разбойников и видели издалека демонов, пожирающих людей.

Встречались им и работорговцы, которые, указывая на Чжулю, спрашивали: Продашь свою девчонку?

Он — мой младший брат, не продам!

Мальчиков тоже покупают.

Чэн Цяньжэнь тогда стоял с голым торсом, вооруженный лишь дровяным ножом, весь в шрамах, с таким свирепым видом, что любой отступил бы: Ни за какие деньги не продам!

Они преодолели все невзгоды и наконец добрались до города Наньян. Он поступил в академию, нашел хорошую работу, по воле случая обзавелся верными друзьями и зажил той спокойной жизнью, о которой всегда мечтал.

Он думал, что теперь всё изменится и дальше будет только лучше.

Но злобная судьба нанесла удар, и в одночасье мир перевернулся. Оказалось, ничего не изменилось, всё это было лишь самообманом. Раньше у него не было способностей заработать большие деньги, теперь не хватило сил защитить Чжулю.

Он по-прежнему оставался никчемным человеком с грошовой жизнью.

Во сне Чжулю вытирал слезы и холодно смотрел на него.

Внезапно ослепительный свет пронзил фигуру Чжулю, и тот исчез без следа.

Он услышал голос Сюй Жань: Ой, очнулся! Наконец-то!

Зрение постепенно прояснилось. Он лежал на своей кровати, а вокруг стояли Сюй Жань и Гу Сюэцзян.

Сюй Жань была знакома с несколькими врачами из академического лазарета и поначалу хотела позвать их на осмотр. Но Гу Сюэцзян не позволил, кратко пересказав события прошлой ночи: лавочник Нин Фухуань, явившийся мстить демон Сун Цзюэфэй и запечатанные боевые меридианы Чэн Цяньжэня. Сюй Жань слушала, открыв рот.

Ты не выдумываешь, чтобы разыграть меня?

Чэн Цяньжэнь в таком состоянии, мне до шуток ли? — раздраженно ответил Гу Сюэцзян. — Я проверил его пульс, серьезной угрозы жизни нет. Сейчас ситуация неясная, нельзя позволять посторонним осматривать его меридианы, остается только ждать, пока он придет в себя.

Поэтому, как только Чэн Цяньжэнь открыл глаза, оба облегченно выдохнули. Один помог ему сесть, другой подал воды.

Гу Сюэцзян помахал пальцами перед его лицом: Узнаешь нас? Сколько пальцев видишь?

Чэн Цяньжэнь отмахнулся: Я не слабоумный.

Услышав знакомое словечко, Сюй Жань рассмеялась: Похоже, действительно в своем уме.

Что случилось? Где Чжулю?

Его родственники приехали за ним, я отправил его с ними.

Отправил?! Когда? Сегодня утром?!

Сюй Жань вспомнила беспорядок во дворе, который видела утром, схватилась за нож: Его что, похитили? Я догоню!

Чэн Цяньжэнь удержал её за руку.

Оба не верили ему. Они знали, что для Чэн Цяньжэня младший брат важнее собственной жизни. Как он мог так просто взять и отправить его прочь?

Не успели они спросить, как Чэн Цяньжэнь снова заговорил: Что со мной происходило раньше и почему мои боевые меридианы запечатаны — я не знаю.

А Чжулю... я сам позволил ему уйти. Больше не упоминайте о нем и не спрашивайте меня.

Все трое замолчали.

Гу Сюэцзян никогда не рассказывал о том, как лишился своих меридианов, Сюй Жань не любила вспоминать о гибели своей семьи.

Даже у лучших друзей есть шрамы и тайны, которые они не хотят показывать.

Гу Сюэцзян первым рассмеялся: Всё равно мы уже прогуляли занятия, пойдемте выпьем.

Хотя они виделись каждый день, они вечно куда-то спешили, и даже за чашкой чая после обеда приходилось следить за временем. В последний раз они напивались вместе еще на Новый год.

Наступила ночь. В сияющем огнями ресторане Фэйфэн в главном зале яблоку негде было упасть: красноречивый сказитель рассказывал историю, и шум стоял невообразимый. На втором этаже располагались отдельные кабинки, скрытые от посторонних глаз ширмами с росписью тушью. Чэн Цяньжэнь и Гу Сюэцзян выбирали блюда, а Сюй Жань, перегнувшись через перила, с восторгом наблюдала за суетой внизу и хлопала в ладоши.

Изначально они собирались в маленькую закусочную на западе города, но на полпути Чэн Цяньжэнь внезапно сказал: Пойдемте в южную часть, я угощаю. И компания сменила маршрут, оказавшись в роскошном ресторане Фэйфэн.

Войдя, Чэн Цяньжэнь сразу дал щедрые чаевые, и официант проводил их в отдельный кабинет.

Сев за стол, он сразу заказал вино: Три кувшина Чжуецин. Остальное заказывай сам.

Гу Сюэцзян наклонился к нему и прошептал: На какую сумму рассчитывать?

На всё самое лучшее.

Гу Сюэцзян кашлянул: Нас всего трое, много не съедим, к чему такая расточительность... — он повернулся к почтительному официанту. — Сделай так: три порции риса Байюй, салат из овощей, креветки Било, свиная вырезка с кунжутом, тушеная утка в вине, три супа из рыбьих голов с тофу. На десерт — пирожные с финиками и ароматом османтуса. И то вино, что заказали, подай в грубых глиняных чашах с узором из веток сливы.

Официант, записывая, подумал: Ничего себе, настоящий знаток. Этот стол хорош не только сочетанием мясных и овощных блюд, но и изысканной подачей.

Вернулась Сюй Жань: Что заказали? Красная свинина есть?!

Гу Сюэцзян: ...Замени утку на красную свинину.

Блюда принесли быстро, они выглядели как произведения искусства.

Гу Сюэцзян теперь стал избирателен, но мог довольствоваться и малым, ему было всё равно, что есть.

Чэн Цяньжэнь сделал несколько глотков, но еда казалась безвкусной, и он лишь пил вино.

В прошлый раз он был здесь в день, когда поступил в Академию Наньюань, и приводил Чжулю праздновать. Они сидели в главном зале и пили до самого закрытия, пока не потеряли счет времени.

Времена меняются. Неизвестно, из-за того ли, что он теперь стал практиком, но в этот раз он никак не мог опьянеть.

Из всех троих только Сюй Жань усердно ела: М-м-м, как вкусно приготовлено!

Порции были маленькими. Чжулю всегда готовил целый таз, которого хватало, чтобы она добавила себе риса дважды. Она вовремя спохватилась и замолчала: Чэн Цяньжэнь не хотел говорить о брате.

Она невольно подумала: если бы это случилось с ней, если бы у неё была сестренка, с которой они делили всё на двоих, она бы, даже решившись отправить её прочь, тянула бы до последнего. Как можно так легко расстаться? А потом, чем дольше тянешь, тем больнее.

Кто бы мог подумать, что Чэн Цяньжэнь окажется таким решительным — его поступки были даже беспощаднее, чем её владение мечом.

Гу Сюэцзян поднял чашу: Какие планы на будущее?

Он очень боялся услышать, что теперь, когда Чжулю ушел, Чэн Цяньжэнь собирается пустить жизнь под откос.

Чэн Цяньжэнь выпил залпом: Не спешу зарабатывать, того, что оставил хозяин, хватит надолго. Начну практиковать, попытаюсь понять, что со мной произошло. Раз печать на моих меридианах снята, неприятности могут нагрянуть в любой момент, нужно быть готовым.

Гу Сюэцзян рассмеялся: Научись сначала контролировать свою ауру, ладно? А то если ты разозлишься, Сюй Жань, может, и выдержит, а меня стошнит кровью.

Сюй Жань: Не бойся, я тебя прикрою... Стоп, сейчас уровень Чэн Цяньжэня выше моего, так что спасайся сам.

Чэн Цяньжэнь вздохнул: Я буду стараться.

Месяц назад, в дождливую ночь у лотка с картинами, он впервые столкнулся с аурой практика, будучи обычным человеком. А прошлой ночью встретил Сун Цзюэфэя, чье развитие достигло стадии Очищения Ци: Завершение, в то время как он сам был лишь на начальном этапе.

Он постоянно ощущал угрозу, которая была выше его сил.

\*\*\*

Чжун Тяньюй, окруженный всеобщим вниманием, сидел на почетном месте. По бокам расположились студенты Павильона Чуньбо, а за столом сидели сокурсники Чэн Цяньжэня во главе с Чжан Шэнью.

После третьего кубка атмосфера стала оживленной. Чжун Тяньюй лениво спросил: Господа,

зачем вы пригласили меня в Фэйфэн?

Кто-то ответил: Уже началась регистрация на Турнир двух академий этой осенью. В этом году принимающая сторона — наша Наньюань, нельзя ударить в грязь лицом, как в прошлом.

Другие высказались прямолинейнее: Мы хотим узнать, как дела у Академии Бэйлань?

Чжун Тяньюй был первокурсником и не имел права участвовать, но он приехал из столицы и был в курсе всех новостей. Изначально эта идея встретила сопротивление местных студентов, таких как Чжан Шэнъи: Расспрашивать их — значит признать, что южане хуже северян.

Друзья по команде убеждали его: Познай врага, познай себя — и победишь. Рано узнать подробности о противнике — значит иметь больше шансов на победу, чем у других команд.

Наньян и столица, юг и север — здесь собрались самые амбициозные и уверенные в себе молодые люди.

В последние годы Наньюань постоянно терпела поражения на Турнире, и это было позором для всех. Студенты, подавшие заявки в этот раз, хотели не только прославиться в академии, но и победить Бэйлань, смыв прошлый позор.

В этот момент в зале раздались аплодисменты: сказитель дошел до самого интересного места: Фу Кэцзи из Павильона Меча отправился в странствие и в прошлом году поступил в Академию Бэйлань. В двадцать один год он уже достиг стадии Сосредоточения Духа. Сейчас я расскажу о битве, сделавшей его знаменитым — Ночной бой на озере Хуайцзинь четыре года назад!

Мальчик-слуга обходил столы с чашей для подаяний.

Чжун Тяньюй презрительно фыркнул: Пф, пересказывает слухи, лишь бы продать историю.

Окружающие тут же приготовились слушать, что ему очень польстило: Какое там Сосредоточение Духа? Когда я уезжал из дома, Фу Кэцзи уже достиг шестого уровня. Через полгода — кто знает, чего он добьется. На нынешнем Турнире он точно будет сильнейшим бойцом от Бэйлань.

За столом сидели студенты Павильона Чуньбо и заднего двора Наньшань. Их больше интересовал литературный экзамен: Такой человек наверняка будет в команде с лучшими знатоками литературы. Интересно, кто они...

Чжун Тяньюй: Думаю, он пригласит Цю Бэя. И брата Юань Шанцю — Юань Сясо. Как раз два знатока.

Кто-то подлил ему чаю: Расскажи подробнее.

Цю Бэй хоть и практик, но мысли его заняты только созданием артефактов. Он учился у двух мастеров: мастера Сюань И из секты Цаншань и мастера Мэя из императорского дворца. Он эрудит, знает всё — от астрономии до географии. Юань Сясо тоже практик, особенно хорош в вычислениях и искусстве предсказаний. Любит играть в го, в прошлом году победил самого Призрачного мастера Чжана, а в этом посетил храм Цыэнь, где три часа играл с мастером Кусинем, но никто не видел игры, так что неизвестно, кто победил...

Чжун Тяньюй увлеченно рассказывал, перечисляя всех знаменитостей Бэйлань.

Слушатели про себя прикидывали, сколько тренировок нужно, чтобы войти в двадцатку лучших, и понимали, что противник очень силен, а времени мало. У них возникла одна и та же мысль: если не хочешь остановиться на двадцатом месте, а мечтаешь о тройке лидеров, то нужно во что бы то ни стало пригласить в команду Линь Дучжи, главу списка Наньшань.

Всего в двух кабинках от них трое друзей закончили трапезу.

Чэн Цяньжэнь почти не притронулся к еде, выпил два кувшина вина, но взгляд его оставался ясным.

Гу Сюэцзян, слушая бред сказителя, улыбнулся: Наелись? Пойдемте.

Сюй Жань указала вниз: Самое интересное началось, Ночной бой на озере Хуайцзинь, дайте дослушать... — она вдруг спохватилась. — Хуайцзинь? Это же твое озеро! Хозяин, ты знаешь об этом? Расскажи нам.

Гу Сюэцзян потер нос: Нечего рассказывать.

Сюй Жань смотрела на него с ожиданием. Даже Чэн Цяньжэнь проявил любопытство.

Гу Сюэцзян подумал: Чэн Цяньжэнь сегодня подавлен, слова про контроль ауры были лишь попыткой его развеселить. Может, старая история поднимет ему настроение.

Четыре года назад Фу Кэцзи только приехал в столицу, у него здесь были проблемы с головой, — Гу Сюэцзян постучал по лбу. — У Юань Шанцю тоже. Оба владели мечом и невзлюбили друг друга. В июньскую ночь, в разгар лета, они решили подражать древним мудрецам и устроили поединок на озере Хуайцзинь. Попросили меня быть свидетелем.

Фу Кэцзи уничтожил половину лотосов на озере, а Юань Шанцю потревожил девушек на прогулочной лодке. Я отчитал Юань Шанцю, а он, обезумев, набросился и на меня. Я тогда был молод и горяч, подумал: ты первый, кто посмел поднять на меня руку на озере Хуайцзинь.

Сюй Жань спросила: А дальше?

А дальше мы с Фу Кэцзи объединились, окунули его в озеро, чтобы он попил водички и протрезвел.

Сюй Жань: Вы двое против одного?!

Сказитель: Два юноши в белых одеждах летали над лотосами, их мечи переплетались, словно в танце...

Гу Сюэцзян: Юань Шанцю вырвался, вылез на берег, выплюнул ил прямо на Фу Кэцзи.

Сказитель: Водяная пыль и лепестки цветов падали на воду, отражая огни фонарей, словно в сказочном сне...

Гу Сюэцзян: Юань Шанцю не успел выплюнуть всю грязь и начал плевать в меня. Я увернулся, и почему-то мы все трое начали кидаться грязью друг в друга.

Сюй Жань: ...Я тоже не понимаю почему.

Гу Сюэцзян: Ты сама просила рассказать.

В зале раздались восторженные крики. На втором этаже царило уныние.

Чэн Цяньжэнь тоже сочувствовал Сюй Жань: разве плохо было бы жить в мечтах?

История в зале закончилась, шум стих.

Чжун Тяньюй с компанией, пошатываясь, выходили из ресторана и как раз увидели, как из соседней кабинки выходят трое, один из которых был в форме академии. Официант кланялся им в пояс.

Форма Академии Наньюань была своего рода опознавательным знаком. Те, кто часто бывал в южной части города, знали друг друга в лицо.

Кто это такие? Вижу их впервые.

Сюй Жань и Гу Сюэцзян шли впереди, Чэн Цяньжэнь, расплатившись, задержался на шаг и вдруг почувствовал на себе несколько взглядов.

После вступления на путь самосовершенствования все его чувства обострились. Хотя в этих взглядах не было явной враждебности, ему стало не по себе, и он инстинктивно обернулся.

Оказалось, знакомые лица.

Он спокойно отвел взгляд и, не замедляя шага, спустился вниз.

Чжан Шэнъи воскликнул: Почему это он?!

Чэн Цяньжэнь был самым бедным и экономным студентом на их курсе. Кто-то говорил, что он подрабатывает в лапшичной, кто-то видел, как он торговался с продавцами овощей.

Но сейчас, глядя на него, Чжан Шэнъи почувствовал, что тот кажется очень знакомым, но он долго не решался признать в нем того самого человека. Одежда и внешность не изменились, но что-то было совсем иначе.

Кто-то спросил: Ты его знаешь?

Чжан Шэнъи не успел ответить, как Чжун Тяньюй фыркнул: Посмотрим, долго ли они будут радоваться.

Сказав это, он взмахнул рукавом и пошел прочь, остальные поспешили за ним.

Битва на тренировочной площадке не заставила Гу Сюэцзяна извиниться, а сам Чжун Тяньюй только потерял лицо, из-за чего внутри у него кипела злость.

Раньше тот вел себя высокомерно, вызывая зависть и ненависть, а теперь его меридианы повреждены, он стал калекой — с какой стати он продолжает жить так хорошо?

Не только он, многие студенты Павильона Чуньбо, знавшие, кто такой Гу Сюэцзян, думали так же. Но они боялись влияния семьи Хуацзянь и не решались лезть на рожон, ограничиваясь лишь ядовитыми комментариями за спиной. Поэтому, как только Чжун Тяньюй приехал, нашлись люди, которые подсказали ему, где найти Чэн Цяньжэня.

Потерпев две неудачи, Чжун Тяньюй был в ярости, и тут же нашлись желающие услужить:

Готовы предложить план, чтобы избавить вас от забот, господин Чжун.

\*\*\*

Трое друзей направились на восток города, оставляя позади шумный ночной рынок. Звуки города затихали, они свернули в узкие переулки, где слышался лишь свист ветра.

День был пасмурным, а к ночи поднялся ветер, который гнул деревья и поднимал пыль.

Сюй Жань подняла голову: небо было черным, как тушь, густые облака скрывали луну, и ни одной звезды.

Неужели будет дождь? Давайте ускорим шаг.

Гу Сюэцзян подумал: В Наньяне смена сезонов всегда сопровождается сильным дождем. А после него наступает настоящее лето.

Сюй Жань спросила: Мы теперь будем питаться в академической столовой?

Вопрос был настолько неожиданным, что остальные двое замолчали.

Чжулю ушел, лапшичная, где работал Чэн Цяньжэнь, закрылась — троица столкнулась с суровой реальностью.

Чэн Цяньжэнь: Не нужно. Буду каждый день водить вас в Фэйфэн, будем есть красную свинину.

Двести лянов, оставленных хозяином, договор на дом и нефритовый диск, сорок лянов, спрятанных на черный день... Теперь, когда он остался один, зачем ему столько денег? Лучше купить еды друзьям.

Сюй Жань была тронута: Ты настоящий брат!

Гу Сюэцзян пренебрежительно фыркнул: Что хорошего в этой жирной еде? Через полмесяца тебя от неё воротить будет.

Сюй Жань: У тебя нет вкуса, ты не умеешь жить.

Гу Сюэцзян возмутился: Ты сказала, что у меня нет вкуса?

Они препирались всю дорогу и разошлись у порога дома Чэн Цяньжэня. Обычно они просто махали рукой и уходили, но сегодня сказали искренне: Выпись, увидимся завтра.

Чэн Цяньжэнь знал, что они беспокоятся за него: Со мной всё в порядке, идите быстрее, скоро начнется дождь.

Он открыл замок. В маленьком дворике было темно и тихо, больше не светился теплым светом бумажный фонарь, никто не вышел его встречать.

Чэн Цяньжэнь зажег лампу, набрал ведро воды из колодца, подмел двор и прибрался на кухне. В комнате он увидел груды испачканной кровью одежды — той, что была на нем вчера, и той, что он сменил сегодня днем. Он всё постирал и развесил во дворе.



Он делал привычные дела, приводя всё в порядок.

Закончив, он сел и вспомнил, что нужно почитать книги по практике, поэтому пошел в комнату Чжулю и перенес свитки к себе.

Мысль о переезде стала невыносимой. Он больше не мог здесь жить, здесь всё напоминало о прошлом. Это было слишком жестоко.

Пусть даже жить в гостинице, лишь бы было где поспать, дом ему больше не нужен.

Чэн Цяньжэнь потер виски: Привыкай скорее, не будь чертовой размазней.

Он развернул свиток, заставляя себя сосредоточиться.

Основы, приготовленные для Чжулю, включали Путь введения Ци, Ощущение Ци Тайшан и тому подобное.

С появлением силы его слух и зрение обострились, казалось, даже мозг стал работать лучше. Он начал читать с диаграмм меридианов и точек, запоминая всё со второго раза. Он читал о том, как медитировать, как чувствовать дыхание мироздания, как распознавать духовную энергию и сделать первый шаг на пути к бессмертию — впустить Ци в своё тело.

<http://bllate.org/book/21041/2140665>